УДК 165

DOI [dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2020-3/119-129](https://doi.org/10.24866/1997-2857/2020-3/119-129)

Б.И. Пружинин*

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ НАУКИ И МЕТАФИЛОСОФИЯ

Статья посвящена обсуждению перспектив современной философии науки и является, по сути, проекцией на релевантную проблематику дискуссии об аналитической версии метафилософии, развернувшейся на страницах журнала «Эпистемология и философия науки» (2019, т. 56, № 2). Опубликованная в этом журнале подборка материалов дает в целом достаточно полное представление о концептуальных возможностях аналитического метафилософского тренда в ракурсе перспектив осмысления проблем современной философии. Однако, по мнению автора, и метафилософские изыскания аналитиков, и их обсуждение в данном случае в значительной мере погружены во «внутренние» проблемы самой аналитической философии, так что осмысление перспектив философии редуцируется к анализу методов, связанных с разворотом аналитической традиции к метафизической проблематике. В результате фактически игнорируется стержневой, по сути, вопрос «философии философии» – каковы те особенности и философско-методологические запросы меняющейся реальности, которые, собственно, заставляют сегодня искать новые пути ее философского осмысления? По мнению автора, в такого же рода обсуждении перспектив нуждается и философия науки, фактически утерявшая сегодня связь с реальностью современных научных практик. В статье предпринимается попытка наметить некоторые заслуживающие обсуждения метафилософские перспективы современной философии науки.

Ключевые слова: метафилософия, философия философии, аналитическая философия, философия науки

The future of modern philosophy of science and metaphilosophy. BORIS I. PRUZHININ (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences)

The article focuses on the future of the modern philosophy of science and is somewhat inspired by the discussion on the analytical version of metaphilosophy on the pages of «Epistemology and Philosophy of Science» (2019, vol. 56, no. 2). The selection of articles published in the issue generally gives a fairly complete picture of the conceptual abilities of the analytical metaphilosophical trend in thinking on the problems of modern philosophy. However, according to the author, both the metaphilosophical research and discussion of the representatives of analytic philosophy, in this case, are largely immersed in the «internal» problems of the analytic philosophy. That is, their reflection on the future of

* ПРУЖИНИН Борис Исаевич, доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии естественных наук Института философии РАН, главный редактор журнала «Вопросы философии».

E-mail: prubor@mail.ru

© Пружинин Б.И., 2020

philosophy is reduced to the analysis of methods, associated with the turn of analytical tradition to metaphysical problems. As a result, the core question of «philosophy of philosophy» – what are the features of the changing reality that force us to look for new ways of its philosophical comprehension today – is actually ignored. According to the author, the philosophy of science is in need of the same kind of discussion because by now it has actually lost its connection with the reality of modern scientific practices. The article attempts to identify some metaphilosophical prospects of the modern philosophy of science that deserve consideration and reflection.

Keywords: metaphilosophy, philosophy of philosophy, analytical philosophy, philosophy of science

Поводом для написания этого текста послужила публикация на страницах журнала «Эпистемология и философия науки» подборки материалов, посвященных разработке метафилософской тематики в рамках аналитической философии, но именно – поводом. По сути же своей данная статья ориентирована на анализ ситуации, сложившейся сегодня прежде всего в философии науки. Ситуация эта, на мой взгляд, кризисная, поскольку в том виде, в каком философия науки существует сегодня, она не вызывает интереса у работающих ученых. Автору не раз приходилось слышать от специалистов в различных областях науки, что нынешняя философия науки замкнулась в своих концептуальных, в основном постпозитивистских структурах, а ее единственная область, прямо ориентированная на науку, – case study – имеет лишь реконструктивный, так сказать, обращенный к прошлому смысл. Реконструкции научной деятельности задним числом бывают поучительными, но в силу своей уникальности методологического смысла не имеют и фактически растворяются в историко-научных исследованиях. Очевидно, причины этой кризисной ситуации и, соответственно, поиски путей выхода из нее, т.е. поиски новых перспектив философии науки, требуют всестороннего рефлексивного анализа. Именно в контексте этой, метафилософской по сути задачи, на мой взгляд, представляет интерес опыт направленного аналитического движения, нацеленных на поиск новых перспектив философии.

Дело в том, что аналитическая версия метафилософии самой направленностью своего философского проекта очень рельефно демонстрирует главную проблему целого ряда специализированных областей современной философии – их самозамкнутость, оторванность от

реальности. Аналитическая философия представляет эту проблему, естественно, на своем специфическом материале. Но представляет, повторю, очень демонстративно, что позволяет сопоставить аналитический метафилософский проект с ситуацией, сложившейся в современной философии науки, и мы можем попытаться хотя бы отчасти прояснить обстоятельства, в силу которых нынешние философско-методологические конструкции фактически оторвались от реальных запросов современных научных практик.

Такому сопоставлению способствует еще и то обстоятельство, что философская тематика, которую теперь зачастую маркируют термином «метафилософия» (или «философия философии»), сама по себе имеет куда более богатую и продолжительную историю, чем ее сегодняшние вариации. Есть исторически меняющиеся социокультурные, интеллектуальные и вполне материальные обстоятельства, предъявляющие попыткам их философского осмысления требования уместности. И есть, так сказать, реакции самой философии на эти требования. Достаточно обратиться к ее историко-философским разделам, чтобы в этом убедиться. В отечественной литературе релевантную тематику в ее историко-философском ракурсе обстоятельно представил в свое время Т.И. Ойзерман, использовавший, кстати, и сам термин «метафилософия» [9]. Существуют и другие попытки обсуждения этой тематики, которые оказываются сегодня более близкими к затронутому в данном случае аспекту темы¹. Необходимость присутствия в философии соответствующего исследовательского пласта очевидна. Каждый конкретный

¹ Весьма интересен в этом плане обзор исследований по «метафилософской» проблематике, представленный Г.А. Брутяном [2].

исторический контекст, в котором философ ищет смысл, вносит свои смысловые коррективы в историческую динамику философской мысли. Важно только, чтобы суть этих коррективов не заслонялась внутренними концептуальными потребностями самой философской мысли, чтобы не терялась ее направленность на реальность, чтобы горизонты осмысления реальности не сужались под частные интересы того или иного философского направления. Иначе философия вырождается в кабинетную схоластику. Для философии принципиально важно, чтобы реальные проблемы и особенности жизненного контекста проступали в ее конструкциях.

История философии убеждает, что каждый шаг к новым философским трактовкам реальности предполагает переосмысление целей и задач философии, что концептуализирующая функция философии и рефлексивно-критическая, в том числе и по отношению к себе самой, глубинно связаны и что каждый шаг к новым философским трактовкам реальности предполагает критическую рефлексию над методологическим опытом аналогичных предшествующих шагов. Это относится и к философии в целом, и к отдельным ее направлениям. Иными словами, критическое переосмысление философией самой себя, своих целей и перспектив – неизменная составляющая общеполитического процесса осмысления мира. Именно в этом контексте релевантные философские изыскания, развертывающиеся сегодня под именем метафилософии, привлекают внимание далеко не только ее адептов. В рамках аналитического движения они вызывают особый интерес как современный перспективный вектор размышлений о философии, тем более что нынешней актуализацией метафилософской проблематики и методов ее разработки мы в значительной мере обязаны именно аналитической философской традиции. Сложившиеся в ее рамках направления привлекли внимание к феномену «философии философии» и реанимировали сам термин «метафилософия». Метафилософские изыскания аналитиков конкретны, акцентируют специфическую философскую проблематику и методы ее разработки в качестве перспективы философии, что делает эффективной их проекцию на релевантную проблематику. С этой точки зрения ее концептуальный потенциал интересен и применительно к философии науки.

Авторы опубликованных в журнале тематических статей показали, что в центре ана-

литических метафилософских исследований находится вопрос о методах разработки метафизической проблематики. Для аналитической философии это бесспорно новая перспектива. При этом подборка в целом убедительно демонстрирует, что такой тематический поворот фактически образует центральную тему дискуссии о перспективах аналитического движения. Далеко не все аналитики поменяли свое отношение к метафизике, ведь именно в атмосфере ее критики и зародилась аналитическая философия. Но в данном случае важно, что связанные с метафилософией ветви аналитической философии предлагают подходы и методы разработки метафизической (в ее достаточно традиционном содержательном понимании) проблематики. В частности, такова позиция Т. Уильямсона, встающего на защиту «кабинетной» философии (буквально – «armchair philosophy»), которая, судя по этой его статье и предыдущим публикациям, фактически направлена на разработку языковых методов обсуждения абстрактно-мировоззренческой (вполне классической) проблематики [32; 33; 34]. В целом же в рамках этих метафилософских направлений аналитики как раз и спорят о том, как, какими методами языкового анализа разрабатывать именно метафизическую проблематику.

И если мы снова вернемся к отечественной истории обсуждения метафилософской проблематики, прямо связанной с релевантной для данной статьи темой, то, конечно же, надо указать на публикацию курсов Г.Г. Шпета по истории науки [21]. Там он обсуждает вопрос о соотношении науки и метафизики, который оказывается весьма созвучным метафилософским размышлениям Уильямсона – стержневой публикации дискуссии. Приведу цитату из курса лекций Шпета, в которой отчетливо демонстрируются риски построения метафизических конструкций вне реальности научного знания: «Действительно, термин *scientia в противоположность philosophia* – позднего происхождения. Еще в XVIII *scientia = philosophia*. Тогда различали три группы знаний: историческое – что? философское – почему? математическое – особая область – сколько? (в английской литературе до сих пор *философия = наука*). Главным поводом к разделению послужило отождествление философии с метафизикой и стремление построить науку на опыте. Это уже означало неумение – отличить в самой философии метафизику от знания. И, от-

бросив всю философию, или оставались без основания = *догматизм*, или незаконно вводили *метафизические предпосылки*. Понадобилась специальная дисциплина для очистки: *Теория познания*» [21, с. 324].

При чтении текстов Уильямсона, отмечает В.В. Васильев, почти сразу же возникает желание содержательно расширить концептуальный контекст заданного в его работах обсуждения метафилософской проблематики, соотнести сугубо аналитические рассуждения с более широким контекстом современных философских поисков новых перспектив [3, с. 8]. К такому выводу подводят предлагаемые Уильямсоном тончайшие трактовки философских методов, с помощью которых он предполагает разрабатывать метафизическую проблематику. Эти аналитические тонкости можно оценивать по-разному, но в принципе они ложатся в русло постмодернистских разработок философии, во всяком случае – идут в том же направлении. И в этой связи В.В. Васильев вполне обоснованно указывает, что, к примеру, французский вариант постмодерна несложно соотнести с общей направленностью метафилософских исканий Уильямсона и близких ему вариантов аналитической метафилософии. В рамках обоих направлений радикально и схожим образом поставлен вопрос о новом понимании целей метафизического философствования.

Васильев отмечает далее, что программу подобной новой перспективы для философии очень четко в свое время сформулировали Делёз и Гваттари как задачу проектирования («изобретения», «изготовления») различного рода общих социокультурных конструкций. Философия здесь предстает как «искусство», как деятельность свободно-поисковая в общемировоззренческом плане [7]. В этом конструктивном творчестве она является вполне «кабинетной». Замечу, такая позиция сегодня нашла себе множество сторонников и помимо аналитической метафилософии. В отечественной философии, например, новейшим образцом реализации такой программы может служить недавно изданный «Проективный словарь»² [24]. Очевидно, существуют вполне реальные жизненные запросы, требующие сегодня от философии разрабатывать новые варианты метафизической проблематики. И на мой взгляд, именно конкретные истоки этого запроса в своего рода

проективной метафизике как раз и составляют стержневую проблему метафилософии во всех ее вариантах. Однако, без разрывающего сложившиеся концептуальные сетки обращения к сегодняшней реальности решать эту проблему не представляется возможным.

Таким образом, в рамках аналитической традиции складывается своеобразная проективная метафизика с соответствующей внутрифилософской методологической проблематикой³. Но складывается именно метафизика. И тогда, с тем большей неизбежностью возникает вопрос: в чем причина подобного «поворота» философского направления, изначально более чем критически относившегося к метафизике? Что заставляет сегодня аналитиков нарушать установки Дж.Э. Мура, Б. Рассела, Л. Витгенштейна? Конечно, в любом серьезном философском течении можно выявить, так сказать, внутреннюю динамику и перемены концептуальных интересов. В данном случае, это очень отчетливо показывает внутренняя логика аналитической метафилософии, ориентированная (и в варианте Т Уильямсона, и в работах других аналитических философов) на поиск новой идентичности аналитического движения с постмодернистским оттенком. Но при этом еще большую остроту приобретает и поставленный выше вопрос: в чем реальный (имеющий отношение к реальности) смысл этой переориентации аналитических философов? Что означают эти перемены? А между тем в данном случае мы видим обстоятельную разработку методов концептуального проектирования метафизических конструкций без обращения к реальности и запросам современного мира. И, соответственно, метафилософский поиск ограничивается здесь только внутренними творческими потребностями аналитического движения, он демонстрирует исключительно «технический», так сказать, внутрианалитический смысл.

Именно такой «технический» ракурс демонстрируют метафилософские разработки и Уильямсона, и ряда других аналитических участников дискуссии. Чтобы убедиться в этом, достаточно оценить содержательные аспекты релевантной проблематики, а главное – способы рассуждения, которые аналитики представили в своих статьях. Таковы даже заметки Д. Деннета [26]. В результате замкнутый внутри концептуального аппарата поиск новых перспектив современной философии теряет полноценный

² См. также дискуссию в журнале «Вопросы философии»: [10; 18; 19; 20; 25].

³ См. об этом: [1].

философский смысл и превращается в техническое совершенствование методов разработки концептуальных конструкций. Спор идет о том, что эффективнее – моделирование, мысленный эксперимент или социопсихологические методы, позволяющие оценивать интуиции в различной социокультурной среде... Но при этом вне поля зрения остается вопрос: а каковы мировоззренческие потребности современного человека, требующие собственно метафизического осмысления? И есть ли они вообще? Содержательные, апеллирующие к реальности доводы остаются здесь вне поля зрения или носят не философский характер. И не случайно один из основателей «экспериментальной философии» Джошуа Ноуб возмущается тем, что аналитические метафилософы фактически игнорируют «установленный» в рамках этого течения шокирующий факт: «демографические факторы не влияют на философскую интуицию людей» [30, р. 33]. Именно это обстоятельство, настаивает он, требует метафилософского осмысления. И с ним трудно не согласиться.

Аналогичную ситуацию, как я отмечал выше, мы имеем сегодня и в области философии науки. Практикующие ученые не интересуются социологизированными рассуждениями о поведении научных сообществ, о релятивности теоретических конструкций и неизбежности научных революций. Они не видят, какое методологическое отношение все это имеет к сложной реальности современного научного поиска и на какие философско-методологические соображения ученый может ориентироваться в практике познания. А между тем именно такого рода вопросы должны в первую очередь волновать сегодня философов науки, если, конечно, они не хотят, чтобы их область знания превратилась в замкнутую сферу дискуссий о том, какие методы науки можно эффективно использовать для разработки собственных концептуальных конструкций. Полагаю, аналогия с аналитическим вариантом метафилософии, фактически ограничивающимся обсуждением методов и техники внутрифилософского конструирования и игнорирующим вопрос о реальных целях этой работы, очевидна.

Как и аналитические метафилософы, философы науки избегают прямой постановки вопроса о реальных причинах отказа от своих позитивистских истоков. Внутренняя замкнутость не позволяет им прямо задать вопрос: что, собственно, заставляет их отворачиваться от дока-

завших когда-то свою методологическую эффективность гипотетико-дедуктивных моделей научной теории и погрузиться в рассуждения об исторической изменчивости и социокультурной обусловленности знания. Между тем, на фоне такого рода рассуждений о релятивности научной деятельности невозможно услышать ее методологический запрос. А ведь у философии науки была и остается возможность и далее совершенствовать логико-методологические структуры гипотетико-дедуктивных моделей (подобно аналитической философии, которая может и сегодня продолжать совершенствовать язык философии так, как это в свое время предложили Мур, Рассел и Витгенштейн). Между тем, сам метафилософский поиск перспектив подталкивает к вопросу о реальных, коренящихся в жизненной реальности сегодняшнего дня причинах кризиса традиционных установок аналитического движения и современной философии в целом. И аналитические метафилософы не могли не ощутить этого «подталкивания». Точно так же философы науки чувствуют идущие от науки импульсы к радикальному переосмыслению собственных перспектив.

Ведь, в конечном счете, крутой концептуальный поворот аналитической традиции, который, собственно, и потребовал термина «метафилософия», фактически, так или иначе, подводит ее к вопросу о реальном смысле работы с языком, с понятийным каркасом интеллектуальной культуры. Не о тонкостях аналитической техники, но именно о реальной значимости, о жизненно-практическом смысле метафизических работ и в их лингво-семиотической ветви, и в их логико-аналитических вариантах. Хотя зачастую вопрос этот возникает внутри аналитического метафилософского движения в довольно парадоксальной, даже скандальной форме. Так, очень ярко и заостренно вопрос о практических целях философствования ставит «экспериментальная философия» [27; 28; 29; 31].

Изложение взглядов сторонников этого направления на перспективы философии сопровождается чрезвычайно жесткой критикой оторванности от жизни традиционной философии. Но и в этом случае речь идет скорее о методах работы с языком, чем о философской реакции на запросы реальности. Что нового может предложить здесь метафилософия экспериментальных философов? Обращение к *the folk concept of choice*? И тем не менее на потребности современной реальности даже такие рассуждения ме-

тафилофоров могут быть спроецированы. И это несмотря на то, что они фактически воспроизводят разворот лингвистической философии к анализу обыденного языка в постмодернистском духе. В статье Уильямсона также присутствует идея возвращения к здравому смыслу, хотя и не в столь скандальной форме, как у экспериментальной метафилософии. Поиск смысла аналитической «кабинетной» работы фактически ведет Уильямсона в этом же направлении – к обыденному языку. Но он остается в рамках концептуальной сетки, где в центре внимания оказывается вопрос о том, насколько интуиция в этом плане эффективнее мысленного экспериментирования. И метафилософская дискуссия аналитиков о перспективах философии ограничивается тогда сугубо техническими внутриконцептуальными темами⁴.

На такого рода ограниченность перспектив разработки метафилософской тематики отчасти обратил внимание В.Н. Порус. Он определяет метафилософию науки как «философские размышления о философии науки» [11, с. 137] и далее сопоставляет проблематику метафилософии с состоянием современной философии науки. Однако, анализируя кризисные ситуации в области современной философии науки, Порус все же остается в рамках внутрифилософской ситуации нынешнего, по своей сути постпозитивистского концептуального аппарата. Между тем общей характеристикой этих кризисных ситуаций является оторванность концептуального аппарата философии науки от науки. Фактически она потеряла связь с философско-методологическими (в том числе и метафизическими) проблемами, которые волнуют ученых, работающих в продвинутых областях современной науки. Порус не апеллирует к реальности происходящего сегодня в науке, он лишь демонстрирует внутренние концептуальные тупики нынешней философии в этой области: невозможность построения единой общенаучной картины мира; субъективность предпосылок научного мышления; недостаточность ее методологических средств для уточнения научных понятий и выработки точных критериев научного языка [11, с. 138–139]. Он убедительно демонстрирует релятивистский потенциал конструкций современной философии науки, их произвольность и, что самое главное, методологическую неэффективность. И поскольку «Первые» (по Ари-

стотелю) начала бытия науки здесь, так сказать, принципиально релятивизированы, нынешняя философия науки предлагает заменить их различными паллиативными вариантами метафизических (мировоззренческих) конструкций, осмысливающих реальные научные результаты задним числом. Перспективы реального участия философии науки в познавательных практиках, в процессе собственно научного познания здесь не просматриваются.

Между тем, на мой взгляд, именно здесь и необходим общефилософский критический анализ философских конструкций, позволяющий соотнести актуальную проблематику и аналитической философии, и философии науки с реальностью их предметных областей, чтобы попытаться понять смысл происходящего сегодня в науке. В этой связи позволю себе привести одно свое рассуждение о проблеме реальности в науке. Подобная тематика «...ныне интенсивно обсуждается отнюдь не только в связи с научно-познавательной деятельностью. А это расширение контекста, очевидно, не может не сказаться на ее содержании – сегодня в ней явно зазвучали релятивистские мотивы. Когда в первой половине XX века в сфере научного познания (прежде всего в области физики микромира) эта тема приобрела остроту и определенность, суть дискуссий о реальности сводилась к вопросу о методологическом инструментарии науки (техническом и концептуальном), способном эффективно выполнить роль критерия реалистичности различных гипотетических конструкций. Соответственно, проблема реальности сводилась к вопросу, как привести гипотетические предположения о ненаблюдаемых непосредственно реалиях на уровень непосредственной данности. В таком виде вопрос этот и сегодня обсуждается в рамках методологии естествознания. Однако ныне стимулом к продолжению дискуссий, в том числе и в методологии естествознания, стала идея так называемых региональных онтологий – вариантов реальности, создаваемых в рамках различных теоретических конструкций. Реальностей при этом оказывается столько же, сколько этих конструкций. При этом каждая гипотетическая конструкция как бы подбирает критерии реальности под себя, а выбор самих конструкций зачастую выносятся не только за рамки методологии, но даже и за рамки науки. Отчего проблема реальности, по сути, трансформируется в проблематику принятия решений о том, какая

⁴ Об опасности такого подхода в философии см.: [13; 14; 15].

реальность предпочтительнее в социокультурном плане. А критическая составляющая научной методологии трансформируется в скептическое отношение к любому утверждению о реальности» [17, с. 427].

Я думаю, философская работа с целью переосмысления возникающих здесь релятивистских тенденций еще предстоит, а в данном случае можно указать, например, на весьма показательный и явно требующий рефлексивной оценки факт: ни в ходе проведенной на страницах журнала «Эпистемология и философия науки» дискуссии, ни в материалах, с ней связанных, нет серьезной апелляции к еще недавно признанному, методологически эффективному направлению философии науки, глубоко близкому к аналитической традиции. Участники дискуссии не сочли нужным даже вспомнить о позитивизме, о направлении философии науки, которое, по сути, лежало у истоков этой традиции. А между тем, констатирует В.В. Васильев, именно «кризис верификационизма размывал лингвистическую идеологию ранней аналитической философии и заставлял усомниться в правомерности критики первыми аналитиками ряда областей традиционной метафизики. Постепенно это привело к возрождению интереса аналитической философии к широкому кругу привычных метафизических проблем. В последние десятилетия количество интересных работ по онтологии и эпистемологии, по проблемам сознания и свободы воли и даже по философской теологии резко возросло. Большинство современных аналитиков, между тем, чувствуют себя преемниками первых аналитических философов. Но от них, конечно, не могут ускользнуть те глубокие изменения, которые произошли за это время с аналитической философией. Она явно стала другой. И эти изменения заслуживают серьезного анализа. По сути, речь идет о поисках новой идентичности аналитической философии. Эти поиски роднят ее с аналогичными, но более ранними разысканиями континентальных мыслителей. А актуализация проблемы идентичности философии не может не сопровождаться актуализацией вопроса “Что такое философия?”. И мы видим, что в последнее время аналитические философы все чаще пишут об этом. Развитие этой области исследований предполагает и закрепление за ней какого-то названия. Главным кандидатом оказывается термин “метафилософия”» [3, с. 10].

Очевидно, однако, что идейное содержание позитивизма – философского направления с его верификационистскими установками, с его логико-аналитическими интенциями и даже личным участием его признанных представителей (Р. Карнапа, например) в формировании концептуальных оснований аналитического движения – неразрывно связано с аналитической философией. Связано далеко не только взаимной критикой. Поэтому нежелание аналитических метафилософов вспоминать о позитивизме можно, пожалуй, объяснить лишь тем, что аналитики не хотят, чтобы предлагаемая ими перспектива возвращения к метафизике выглядела как отказ от истоков собственного движения. Возможно, с такого же рода нежеланием мы сталкиваемся и в случае современной философии науки, громко провозглашающей свой постпозитивистский статус. Но тем самым оба эти течения фактически упускают из вида реальность исторически изменившейся науки, осмысление которой и составляет цель философствования. А термин метафилософия лишь маскирует их аисторизм.

В данном случае, для учета исторической реальности науки важно, что позитивистские установки О. Конта, критически оценившего повседневный опыт (тот самый здравый смысл, к которому склоняется аналитическая метафилософия), позволили выделить в его историческое время в качестве целостной единицы научного знания научную теорию. И именно опирающуюся на факты научную теорию он противопоставил метафизическим конструкциям. Позднее, уже в качестве гипотетико-дедуктивной модели эта философско-методологическая конструкция легла в основание стандартного образца научного знания, а аналитическое движение так или иначе опиралось на это представление о научном знании. Постпозитивизм (с его постмодернистскими установками) релятивизировал этот образец знания и тем самым как бы лишил научное знание его внутренних методологических оснований. В этом же направлении двинулась сегодня аналитическая философия – проективная метафизика, с ее точки зрения, должна включиться в работу понятой таким образом теоретической науки – науки, где основной единицей знания является теория.

Однако лишь реальное обращение к науке дает тот релевантный контекст, в котором только и возможно эффективное обсуждение различных методов разработки метафизики, тем более

проективной. И в этой связи принципиально важно заметить: в трендах современной науки, в ее наиболее продвинутых областях отнюдь не теория теперь предстает как основополагающая, настоятельно требующая философско-методологического осмысления единица знания. Таковой сегодня становится научная дисциплина⁵. Именно в ходе обсуждения проблем междисциплинарного взаимопонимания проективное обсуждение метафизических проблем могло бы продемонстрировать свою эффективность. И если попытаться предельно кратко обозначить то, что в этом контексте может дать аналитической философии и философии науки обращение к метафизике, то, полагаю, можно сказать – это поиски оснований языка общения ученых различных специальностей в междисциплинарных коллаборативных исследовательских программах [16]. Прежде всего речь идет о проблеме общезначимости, которая «фактически коррелирует с концептом “достоинство знания”, поскольку оно акцентирует не только прикладную социальную полезность знания, но и его культурную, а стало быть и экзистенциальную значимость для общения людей. При этом обнаруживается, что “достоинство знания” соотносимо также с идеей признания (Anerkennung) [22]. Ибо понимание в общении, в разговоре становится возможным лишь тогда, когда смысл признается и осознается всеми участниками беседы, когда в ходе обсуждения поле разговора “возделывается” (как возделывается, культивируется душа, по Цицерону). Но происходит это лишь тогда, когда общение (пусть даже на предельно специальные научные темы) осознается его участниками как культурная и историческая ценность. Сегодня много и обстоятельно анализируют коммуникативные аспекты познавательной деятельности – внешние и внутренние аспекты коммуникации науки в целом, междисциплинарную коммуникацию

и даже проблемы коммуникации, возникающие внутри отдельных научных институций, между отдельными учеными. Истоки этого интереса к коммуникативной структуре науки понятны – вместе с изменением характера научных практик изменились структура и характер функционирования научных сообществ. Естественно, серьезные изменения произошли и в структуре научного общения» [23, с. 25].

Современная наука меняется, меняется интенсивно. В своих наиболее продвинутых областях она уже радикально изменилась по сравнению с наукой прошлого столетия, когда, собственно, и создавались наиболее популярные сегодня концепции философии науки. Изменения эти происходят под влиянием как внешних, социокультурных, так и внутренних, собственно эпистемологических факторов и достаточно ясно осознаются самими учеными как интеллектуальный запрос в сфере философско-методологической рефлексии их собственной познавательной практики. А главное, пожалуй, что произошло к сегодняшнему дню в современной науке – это возникновение мощных исследовательских коллабораций, предполагающих совместные, подчеркну, *совместные* междисциплинарные исследования и настоятельно требующих философско-методологического осмысления.

В такого рода коллаборациях дело не сводится, как это было в прошлом и даже позапрошлом столетии, к образованию промежуточных междисциплинарных комплексов типа физической химии, биохимии, биофизики и т.д. В таких комплексных дисциплинах исследование объекта с помощью, скажем, методов химического анализа просто дополнялось физическими методами там, где методы химии достигали своих границ. Сегодня на передний план науки выдвигаются именно совместные исследования, где различные дисциплины включаются в единую исследовательскую программу, а специалисты этих дисциплин работают в единой исследовательской структуре. Такого рода исследования требуют проективной, но не произвольной метафизики, требуют проектных методов соотнесения специфических подходов различных дисциплин в едином исследовательском проекте. Известный, но не единственный пример тому, ядерные коллаидеры, работающие по всему миру, в том числе и в России. Аналогичные междисциплинарные исследовательские программы реализуются сегодня

⁵ Не могу не отметить, что на эпистемологическую эффективность и специфические когнитивные характеристики научной дисциплины еще в конце 1980-х гг. указывал отечественный философ науки А.П. Огурцов [8]. В те годы дисциплинарная структура науки практически не анализировалась, поскольку рассматривалась лишь с организационной стороны. Но в его работах научная дисциплина предстала уже как форма знания. Сегодня именно этот аспект дисциплинарной структуры науки выступает на передний план философско-методологической рефлексии и в самосознании ученых, и в профессиональной философии науки.

в медицине и фармакологии, в горных науках и социально-экономических исследованиях... Особая область реализации этих программ – сфера социально-гуманитарной экологической экспертизы, к участию в которой все более привлекаются естественные науки.

Главная философско-методологическая проблема, возникающая в ходе такого рода исследований, – взаимопонимание совместно работающих специалистов из различных дисциплин науки. Неслучайно релевантная проблематика в значительной мере входит в философию усилиями самих ученых. Об этом пишут Л. Дастон и П. Галисон, анализируя феномен объективности в науке [6]. Во всяком случае, в отечественной литературе именно переводы работ физика и историка науки Питера Галисона и публикации статей научного сотрудника Национальной ускорительной лаборатории им Э. Ферми (США) В.С. Пронских вызвали серьезный философский интерес и обсуждение на страницах ведущих философских журналов. И я думаю, что этот интерес философов позволяет сделать вполне обоснованный метафилософский вывод: на наших глазах сегодня складывается новое, методологически эффективное направление философии науки [4; 5; 12].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ажимов Ф.Е. Онтолого-метафизические проекты современной западноевропейской философии // Вопросы философии. 2007. № 9. С. 145–153.
2. Брутян Г.А. Философия и метафилософия // Вопросы философии. 1985. № 9. С. 85–90.
3. Васильев В.В. Метафилософия: история и перспективы // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 2. С. 6–18.
4. Галисон П. Зона обмена: координация убеждений и действий // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 1. С. 64–91.
5. Галисон П. Коллективный автор // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 93–113.
6. Дастон Л., Галисон П. Объективность. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
7. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия. М.: Академический проект, 2009.
8. Огурцов А.П. Дисциплинарная структура науки. Ее генезис и обоснование. М.: Наука, 1988.
9. Ойзерман Т.И. Метафилософия (теория историко-философского процесса) // Ойзерман Т.И. Избранные труды: в 5-ти т. Т. 5. М.: Наука, 2014. С. 12–494.
10. Порус В.Н. Философия как мечта о будущем // Вопросы философии. 2019. № 7. С. 82–88.
11. Порус В.Н. Философский статус «метафилософии науки» // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 2. С. 134–150.
12. Пронских В.С. Коллаборация большой науки как вызов трансцендентальному субъекту // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 88–92.
13. Пружинин Б.И. Рациональность и историческое единство научного знания. М.: Наука, 1986.
14. Пружинин Б.И. Прикладное и фундаментальное в этосе современной науки // Философия науки. Этос науки на рубеже веков. Вып. 11. М.: ИФ РАН, 2005. С. 109–120.
15. Пружинин Б.И. Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии / Под ред. Т.Г. Щедриной. М.: РОССПЭН, 2009.
16. Пружинин Б.И. «Коллективный субъект» в научной традиции (философско-методологические заметки) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 2. С. 105–110.
17. Пружинин Б.И., Щедрина И.О. Историческая реальность и критицизм // Перспективы реализма в современной философии / Под ред. В.А. Лекторского. М.: Канон-плюс, 2017. С. 423–440.
18. Савчук В.В. Доверие настоящему // Вопросы философии. 2019. № 7. С. 75–81.
19. Тульчинский Г.Л. Философия как проектирование новых смыслов // Вопросы философии. 2019. № 7. С. 64–68.
20. Филатов В.П. В защиту аналитического подхода // Вопросы философии. 2019. № 7. С. 69–74.
21. Шпет Г.Г. Конспект курса лекций по истории наук // Шпет Г.Г. Философия и наука. Лекционные курсы / Под ред. Т.Г. Щедриной. М.: РОССПЭН, 2010. С. 323–340.
22. Щедрина И.О. «Признание» как форма выбора: Густав Шпет и Поль Рикёр // Человек перед выбором в современном мире: проблемы, возможности, решения. Материалы Всероссийской научной конференции, 27–28 октября 2015 г. М.: Научная мысль, 2015. С. 79–85.
23. Щедрина Т.Г., Пружинин Б.И. «Назад к Аристотелю»: достоинство знания как проблема эпистемологии // Вопросы философии. 2020. № 1. С. 19–27.
24. Эпштейн М.Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

25. Эпштейн М.Н. От анализа к синтезу. О призвании философии в XXI веке // Вопросы философии. 2019. № 7. С. 52–63.

26. Dennett, D., 2019. Philosophy or auto-anthropology? *Epistemology & Philosophy of Science*, Vol. 56, no. 26, pp. 26–28.

27. Knobe, J., Lombrozo, T. and Nichols, S. eds., 2014. *Oxford studies in experimental philosophy*. Vol. 1. Oxford: Oxford University Press.

28. Fischer, E. and Collins, J. eds., 2015. *Experimental philosophy, rationalism, and naturalism: rethinking philosophical method*. London: Routledge.

29. Knobe, J. and Nichols, S. eds., 2008. *Experimental philosophy*. New York: Oxford University Press.

30. Knobe, J., 2019. Philosophical intuitions are surprisingly robust across demographic differences. *Epistemology & Philosophy of Science*, Vol. 56, no. 26, pp. 29–36.

31. Nado, J. ed., 2016. *Advances in experimental philosophy and philosophical methodology*. London: Bloomsbury.

32. Williamson, T., 2007. *The philosophy of philosophy*. Malden: Blackwell Publishing, 2007.

33. Williamson, T., 2018. *Doing philosophy: from common curiosity to logical reasoning*. Oxford: Oxford University Press, 2018.

34. Williamson, T., 2019. *Armchair philosophy*. *Epistemology & Philosophy of Science*, Vol. 56, no. 26, pp. 19–25.

REFERENCES

1. Azhimov, F.E., 2007. Ontologo-metafizicheskie proekty sovremennoi zapadnoevropeiskoi filosofii [Ontological-metaphysical projects of modern Western European philosophy], *Voprosy filosofii*, no. 9, pp. 145–153. (in Russ.)

2. Brutyan, G.A., 1985. *Filosofiya i metafizika* [Philosophy and metaphysics], *Voprosy filosofii*, no. 9, pp. 85–90. (in Russ.)

3. Vasil'ev, V.V., 2019. Metafilosofiya: istoriya i perspektivy [Metaphilosophy: history and future], *Epistemology & Philosophy of Science*, Vol. 56, no. 26, pp. 6–18. (in Russ.)

4. Galison, P., 2004. *Zona obmena: koordinatsiya ubezhdenii i deistvii* [Trading zone: coordinating action and belief the science studies reader], *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, no. 1, pp. 64–91. (in Russ.)

5. Galison, P., 2018. Kollektivnyi avtor [The collective author], *Voprosy filosofii*, no. 5, pp. 93–113. (in Russ.)

6. Daston, L. and Galison, P., 2018. *Ob'ektivnost' [Objectivity]*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russ.)

7. Deleuze, G. and Guattari, F., 2009. *Chto takoe filosofiya [What is philosophy?]*. Moskva: Akademicheskii proyekt. (in Russ.)

8. Ogurtsov, A.P., 1988. *Distsiplinarnaya struktura nauki. Eyo genezis i obosnovanie [Disciplinary structure of science. Its genesis and rationale]*. Moskva: Nauka. (in Russ.)

9. Oizerman, T.I., 2014. *Metafilosofiya (teoriya istoriko-filosofskogo protsessa) [Metaphilosophy (a theory the history of philosophy's process)]*. In: Oizerman, T.I., 2014. *Izbrannye trudy: v 5-ti t. T. 5*. Moskva: Nauka, pp. 12–494. (in Russ.)

10. Porus, V.N., 2019. *Filosofiya kak mehta o budushchem [Philosophy as a dream of the future]*, *Voprosy filosofii*, no. 7, pp. 82–88. (in Russ.)

11. Porus, V.N., 2019. *Filosofskii status «metafilosofii nauki» [The philosophical status of «metaphilosophy of science»]*, *Epistemology & Philosophy of Science*, Vol. 56, no. 26, pp. 134–150. (in Russ.)

12. Pronskikh, V.S., 2018. *Kollaboratsiya bol'shoi nauki kak vyzov transtsendental'nomu sub'ektu [Big science collaboration as a challenge to transcendental subject]*, *Voprosy filosofii*, no. 5, pp. 88–92. (in Russ.)

13. Pruzhinin, B.I., 1986. *Ratsional'nost' i istoricheskoe edinstvo nauchnogo znaniya [Rationality and historical unity of scientific knowledge]*. Moskva: Nauka. (in Russ.)

14. Pruzhinin, B.I., 2005. *Prikladnoe i fundamental'noe v etose sovremennoi nauki [The applied and the fundamental in the ethos of modern science]*. In: *Filosofiya nauki. Etos nauki na rubezhe vekov. Vyp. 11*. Moskva: IF RAN, 2005, pp. 109–120. (in Russ.)

15. Pruzhinin, B.I., 2009. *Ratio serviens? Kontury kul'turno-istoricheskoi epistemologii [Ratio serviens? Outlines of cultural and historical epistemology]*. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

16. Pruzhinin, B.I., 2019. *«Kollektivnyi sub'ekt» v nauchnoi traditsii (filosofsko-metodologicheskie zametki) [The «collective subject» in scientific tradition: philosophical and methodological notes]*, *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 2, pp. 105–110. (in Russ.)

17. Pruzhinin, B.I. and Shchedrina, I.O., 2017. *Istoricheskaya real'nost' i krititsizm [Historical reality and criticism]*. In: Lektorskii, V.A. ed., 2017. *Perspektivy realizma v sovremennoi filosofii*. Moskva: Kanon-plyus, pp. 423–440. (in Russ.)

18. Savchuk, V.V., 2019. Doverie nastoyashchemu [Trust to the present], Voprosy filosofii, no. 7, pp. 75–81. (in Russ.)
19. Tulchinskii, G.L., 2019. Filosofiya kak proektirovanie novykh smyslov [Philosophy as design of new meanings], Voprosy filosofii, no. 7, pp. 64–68 (In Russ.).
20. Filatov, V.P., 2019. V zashchitu analiticheskogo podkhoda [In defense of the analytical approach], Voprosy filosofii, no. 7, pp. 69–74. (in Russ.)
21. Shpet, G.G., 2010. Konspekt kursa lektsii po istorii nauk [Notes of the lecture course on the history of sciences]. In: Shpet, G.G., 2010. Filosofiya i nauka. Lektsionnye kursy. Moskva: ROSSPEN, pp. 323–340. (in Russ.)
22. Shchedrina, I.O., 2015. «Priznanie» kak forma vybora: Gustav Shpet i Pol' Rikyor [Recognition as a form of choice: Gustav Shpet and Paul Ricoeur]. In: Chelovek pered vyborom v sovremennom mire: problemy, vozmozhnosti, resheniya. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, 27–28 oktyabrya 2015 g. Moskva: Nauchnaya mysl', 2015, pp. 79–85. (in Russ.)
23. Shchedrina, T.G. and Pruzhinin, B.I., 2020. «Nazad k Aristotel'yu»: dostoinstvo znaniya kak problema epistemologii [Back to Aristotle: the dignity of knowledge as a problem of epistemology], Voprosy filosofii, no. 1, pp. 19–27. (in Russ.)
24. Epshtein, M.N., 2017. Proektivnyi slovar' gumanitarnykh nauk [Projective dictionary of humanities]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russ.)
25. Epshtein, M.N., 2019. Ot analiza k sintezu. O prizvanii filosofii v XXI veke [From analysis to synthesis. On the mission of philosophy in the 21st century], Voprosy filosofii, no. 7, pp. 52–63. (in Russ.)
26. Dennett, D., 2019. Philosophy or auto-anthropology? Epistemology & Philosophy of Science, Vol. 56, no. 26, pp. 26–28.
27. Knobe, J., Lombrozo, T. and Nichols, S. eds., 2014. Oxford studies in experimental philosophy. Vol. 1. Oxford: Oxford University Press.
28. Fischer, E. and Collins, J. eds., 2015. Experimental philosophy, rationalism, and naturalism: rethinking philosophical method. London: Routledge.
29. Knobe, J. and Nichols, S. eds., 2008. Experimental philosophy. New York: Oxford University Press.
30. Knobe, J., 2019. Philosophical intuitions are surprisingly robust across demographic differences. Epistemology & Philosophy of Science, Vol. 56, no. 26, pp. 29–36.
31. Nado, J. ed., 2016. Advances in experimental philosophy and philosophical methodology. London: Bloomsbury.
32. Williamson, T., 2007. The philosophy of philosophy. Malden: Blackwell Publishing, 2007.
33. Williamson, T., 2018. Doing philosophy: from common curiosity to logical reasoning. Oxford: Oxford University Press, 2018.
34. Williamson, T., 2019. Armchair philosophy. Epistemology & Philosophy of Science, Vol. 56, no. 26, pp. 19–25.